

Ясным днем 14 октября 1907 года на железнодорожную станцию Екатеринодара прибыл «пассажирный» поезд из Тифлиса. Паровоз едва остановился, как встречающие ринулись на перрон, и вскоре на нем образовалась шумная толпа из выходящих из вагонов пассажиров и встречающей публики, воздух наполнился приветственными возгласами и громким смехом: «Рады приветствовать на Кубанской земле!», «Сударыня, надеюсь, поездка вышла благополучной!», «Иван Емельяныч, все ли вещи целы?!», «Позвольте вашу ручку, любезная Евдокия Дмитриевна!» Сквозь толпу шустро сновали носильщики, опытным глазом примечая важную персону, и предлагали свои услуги. Картину людского столпотворения завершал неспешно фланирующий по перрону суточный наряд унтер-офицеров Екатеринодарского отделения Владикавказского жандармского полицейского управления железных дорог в темно-синих мундирах с красными аксельбантами по правое плечо. Старший наряда в чине вахмистра и при медали «За храбрость» с изображением государя императора Александра III, придерживая к левому боку мешавшую при ходьбе кавалерийскую шашку, предупредительно возвещал: «Господа! Па-а-прошу блюсти общественный порядок!»

Одним из последних из синего вагона первого класса на перрон спустился солидный господин лет сорока, выше среднего роста, с усами, закрученными на военный манер, и характерной осанкой, привитой, очевидно, в кадетском корпусе или военном училище. Он был в «партикулярном платье» – элегантном сером сюрту-

ке, белоснежной сорочке с удобным отложным воротником, брюках из английского твида и модной фетровой шляпе. В руках держал небольшой чемодан черной кожи и саквояж. Минуту он постоял, разминая ноги после четырехсуточного путешествия по «железке», а потом не спеша двинулся в сторону выхода с вокзала.

Заприметив его, рыжий детина в фуражке с лакированным козырьком и выдавшей виды черной суконной косоворотке, с латунной бляхой «Ст. Екатеринодарь – Влк. Ж.Д.»¹ на груди, поверх когда-то белого фартука, ринулся было к господину. Но тот лишь отрицательно повел головой и прошествовал мимо. Глядя ему вслед, носильщик чертыхнулся и сплюнул: «Ты только подывысь, яка интеллихения!»

Выйдя с вокзала, господин в шляпе даже не глянул в сторону стоянки извозчиков и уверенно зашагал к остановке бельгийского электрического трамвая на Вокзальной линии, где, уплатив угрюмому кондуктору-верзиле пятак, уселся в открытый вагон. Погода благоприятствовала – воздух был еще теплым, листья на деревьях едва начали желтеть. Вагоновожатый, под стать кондуктору телосложением, убедившись, что все лавки заняты пассажирами, нажал ногой педальку до упора в пол, сделал предупредительный звонок, и тронулся в путь. Проезжая по Екатерининской улице на перекрестке с Котляревской сквозь арку Царских ворот господин в очередной раз подивился чуждому архитектурному творению. Доехав до Красной улицы, он вышел на конечной останов-

¹Владикавказская железная дорога.

ке и, пройдя квартал вперед до Рашипилевской, свернул налево, оказавшись перед входом в гостиницу «Венеция». Швейцар неопределенного возраста услужливо открыл дверь настежь и на всякий случай встал во фронт и козырнул, являя военные навыки: «Милости просим-с, ваше сиятельство!» Господин усмехнулся несоизмеренному титулованию, кивком головы поблагодарил и вошел внутрь. Сняв номер (без излишеств, но вполне приличный) на втором этаже за 75 копеек в сутки, он записался в книге постояльцев как Федор Андреевич Засыпкин, числящийся по армейской пехоте полковник. И он не слухавил, но в видах конфиденциальных не стал распространяться, что состоит штаб-офицером для поручений в Особом отделе по полицейской части канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе генерала от кавалерии, графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова.

О тайном визите Засыпкина знали в Екатеринодаре только два человека – начальник Кубанской области (он же наказной атаман Кубанского казачьего войска) генерал-лейтенант Николай Иванович Михайлов и начальник Кубанского областного жандармского управления (КОЖУ) полковник Модест Ильич Воронин...

Федор Иванович Засыпкин родился в Саратовской губернии 27 августа 1867 года в семье потомственных дворян Симбирской губернии. В службу вступил 1 сентября 1884 года во Второе военное Константиновское училище юнкером рядового звания, окончив полный курс наук в Симбирском кадетском корпусе. Был произведен в унтер-офицеры 8 сентября 1885 года, а 6 июля 1886 года – в портупей-юнкера. По окончании военного училища по первому разряду 11 августа 1886 года был произведен в подпоручики и выпущен в Пятую вылазочную батарею Ковенской крепостной артиллерии. Че-

рез два года, 14 июня 1888 года, был переведен в Первую пешую батарею и 13 октября 1889 года – назначен «учителем» в сводную учебную команду, состоящую при Пятой вылазочной батарее. 21 декабря 1889 года Засыпкин был произведен в поручики, а 30 апреля следующего года возвратился из учебной команды в батарею. 21 мая 1893 года он был пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени и восемь месяцев спустя, 28 февраля 1894 года, неожиданно для всех вышел в отставку – был зачислен в запас полевой пешей артиллерии.

Неожиданно для всех, но не для себя само-го... Молодой офицер к двадцати семи годам все больше осознал, что военная карьера – не его призвание, да и служба в Ковенской крепости в полной мере не удовлетворяла. Он давно уже приглядывался к голубому (в то время) мундиру Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) и мысленно примерял его на себя. Для перевода в корпус необходимо было соответствовать обязательным требованиям: иметь потомственное дворянство (с этим пунктом у него затруднений не было), окончить военное или юнкерское училище по первому разряду (здесь тоже полный порядок), не быть католиком (слава Богу, православного исповедования), не иметь долгов (Боже упаси!) и прослужить в строю не менее шести лет (а здесь даже с лишком). Несмотря на уходящую вглубь веков нелюбовь российских обывателей к жандармам, молодые армейские офицеры рвались служить в ОКЖ: некоторые тянулись к политическому сыску, насыщенному (как им предполагалось) засадами, обысками, погонями со стрельбой, изобличением крамолы и тайными операциями, других манила материальная сторона вопроса (жандармские офицеры получали жалованье едва ли не вдвое больше, нежели армейские), а третьи совмещали в своем стремлении оба этих аспекта. Засыпкин относился к их числу. Он не стал откладывать дело в

долгий ящик и подал рапорт командиру Корпуса. Вскоре его вызвали в Петербург, где он прошел предварительное «испытание», прослушал курс лекций по уголовному праву, производству предварительного расследования, Уставу железнодорожному, другим прикладным дисциплинам и, успешно сдав экзамены, 9 апреля 1894 года был определен на службу в ОКЖ, а через три дня – прикомандирован к Штабу корпуса. Чуть более двух недель он пообтерся в стенах главного ведомства Российской империи, обеспечивающего незыблемость государственных устоев, заодно привыкая к новому мундиру бирюзового оттенка с серебряным аксельбантом, – Федору Андреевичу даже казалось, что он внешне несколько изменился, стал более мужественно-изящным, что ли. Наконец, 29 апреля последовал приказ по корпусу о назначении его адъютантом Киевского губернского жандармского управления (ГЖУ). Он бы несказанно рад – служить в Киеве было пределом его мечтаний, ибо для вновь испеченных жандармов, обыкновенно, в начале службы путь устилался не розами, но шипами, и по большей части они направлялись в местности, куда Макар телят не гонял, к примеру сказать, за Урал или в Среднюю Азию. 25 мая Засыпкин прибыл в Киев и вступил в исправление должности, а через пять дней произведен в штабс-ротмистры (чин армейской кавалерии). Подобные метаморфозы объяснялись тем, что исторически корпус жандармов в России считался кавалерийским соединением. Подобный курьез давал пищу для недоброжелателей, которые не без сарказма называли ОКЖ «табуретной кавалерией».

Очень скоро Засыпкин спустился с небес на землю, повседневная проза службы вернула его к суровой реальности. И дело было вовсе не в нем: Федор Андреевич старательно постигал азы политического розыска и полностью отдавался новому для него ремеслу. Все упиралось

в фигуру начальника Киевского ГЖУ – генерал-майора Василия Дементьевича Новицкого, бесценно руководившего жандармами Киевской губернии с 1879 года и крепко вцепившегося в свое «табуретное» место. Ему было без малого 60 лет, и он прослыл самодуром и ретроградом, не принимавшим ни новых течений в политическом розыске, ни передовых методов в борьбе с крамолой посредством внутренней агентуры, оставаясь ярким представителем «старой» жандармской школы, бесцеремонно изводившим молодые раскрывающиеся таланты, не разделявшие его архаичных методов борьбы с низвергателями государственно-монархических основ. Себя он ничтоже сумнящся позиционировал мэтром сыска, эдаким российским Видоком, каковым, безусловно, не являлся – все его сомнительные заслуги остались в далеком прошлом. Впрочем, в Штабе корпуса закрывали глаза на все сумасбродства генерала, не исключено – принимали во внимания бахвальства Василия Дементьевича, что он «лично известен Государю». В Киеве же складывалась парадоксальная ситуация: местные обыватели его жутко боялись, представители же революционных подпольных организаций втихую посмеивались, ибо никакой угрозы Новицкий для них не представлял: «За таким жандармом жить еще можно», – поговаривали они.

Вероятно, корпусное жандармское начальство решило испытать Засыпкина на прочность, отправляя его в Киев к Василию Дементьевичу, а убедившись, что штабс-ротмистр за год службы не попал под влияние генерала, но был уже на грани нервного срыва, от греха подальше и в награду за стойкость отправило Федора Андреевича в теплое, буквально, место – Кубанскую область. 29 июля 1895 года Засыпкин был назначен начальником Армавирского отделения Козлово-Владикавказского (с августа 1897 года – Ростово-Владикавказского) жандармского по-

лицейского управления железных дорог (ЖПУ ЖД). Сдав дела в Киеве и не без удовольствия попрощавшись с генералом Новицким, он приехал в Армавир, где в начале сентября его «догнали» Высочайшее разрешение принять и носить Бухарский серебряный орден «Восходящей звезды» 2-й степени (безделица, но приятно!), а в конце года Федор Андреевич был произведен в ротмистры.

О службе на «железке» мечтали многие жандармские офицеры: политическим розыском в то время ЖПУ ЖД не занимались, выполняя исключительно функции общей полиции в «полосе отчуждения» (200 верст) железной дороги, находящейся в ведении каждого отделения – наблюдали там за благочинием и общественной безопасностью, надзирали за неуклонным исполнением железнодорожными рабочими и подрядчиками взаимных обязательств, обеспечивали порядок на железнодорожных станциях и вокзалах, и т.п. Словом, служба текла празднично и лениво, как правило, без чрезвычайных происшествий и политики. Весьма пригодился и прослушанный курс лекций по применению Устава железнодорожного на практике. Засыпкин воспринял такой подарок судьбы как должное, хотя вскоре и откровенно заскучал без сыска.

Впрочем, иногда судьба преподносила ему неожиданные повороты. Спустя два года, в 1897 году, через Армавир проезжала во время своего путешествия по железной дороге вдовствующая императрица Мария Федоровна. Пятидесятилетнюю вдову Александра III, еще не увядшую и снявшую траур, всецело обаял тогда еще холостой тридцатилетний ротмистр своей предупредительностью и деликатностью. Ее императорское величество не смогла оставить без должного внимания не напускную почтительность Федора Андреевича и пожаловала его золотыми запонками с цветными драгоценными

каменьями. А ровно через год, припомнив обходительность молодого жандармского начальника из Армавира, она присовокупила к запонкам золотой же портсигар с изображением государственного герба!

Что это было? Трудно сказать. Глубоко польщенный знаками особого внимания, Засыпкин пребывал в состоянии эйфории. Однако корпусное начальство, посчитав, что он вполне созрел для серьезных дел, решило использовать Федора Андреевича непосредственно по сыскной части, да и направило на Кавказ: 30 апреля 1898 года он был назначен помощником начальника Тифлисского ГЖУ в Ахалцихском, Ахалкалакском и Горийском уездах. Четыре года пролетели незаметно. Там же, в отрогах Главного Кавказского хребта, Федор Андреевич был пожалован 14 апреля 1902 года орденом Св. Анны 3-й степени.

В том же году Засыпкину представилась возможность показать воочию свои обретенные навыки. 18 мая ему поручили производство дознания «О тайном кружке Российской социал-демократической рабочей партии в городе Тифлисе». В связи с особой важностью дела надзирать за дознанием ротмистра был назначен товарищ (заместитель) прокурора Тифлисской судебной палаты, действительный статский советник (применительно к армейским чинам – генерал-майор) Ефим Николаевич Хлодовский. И Федор Андреевич блестяще оправдал надежды: 23 августа дознание было завершено в полном объеме. В деле фигурировали 47 обвиняемых, в их числе и некий Иосиф Джугашвили по кличке Чопур (Рябой), содержащийся под стражей в Батумской тюрьме. Через начальника Тифлисского ГЖУ, генерала с забавной для русского уха фамилией Дебиль, и надзирающего прокурора Хлодовского дело было передано в Тифлисскую судебную палату, которая сочла нежелательным передачу его в суд, найдя целесообразным рас-

смотреть его в административном порядке. В частности, предлагалось выслать Джугашвили в Сибирь сроком на два года. После Высочайшего утверждения государем указанного решения, члена тайного кружка Джугашвили осенью 1903 года отправили по этапу: Батум – Новороссийск – Ростов-на-Дону – Самара – Челябинск – Иркутск – село Новая Уда Балаганского уезда Иркутской губернии. Для молодого грузина это была первая ссылка и первый приобретенный опыт тюремно-этапной одиссеи: в Батуме заканчивался «бархатный» сезон, на Урале началась зима со снегом и сугробами, а в Сибири крепкие морозы достигали минус тридцати градусов. По этапу обвыкнувшийся к южному зною и солнцу Джугашвили ехал без рукавиц, в демисезонном пальто и ботинках на голу ногу. На всю оставшуюся жизнь он запомнил эту свою первую ссылку и фамилию жандармского ротмистра...

Тем временем, пока еще осуществлялись бюрократическо-правовые процедуры по делу тифлисских социал-демократов, случилось важное событие: на помощника начальника Тифлисского ГЖУ обратили внимание в Северной столице. 20 сентября 1902 года ротмистр Засыпкин по телеграфному распоряжению директора Департамента полиции МВД Алексея Александровича Лопухина прибыл в Петербург, где уже на следующий день был прикомандирован к Нижегородскому ГЖУ и отправлен на Волгу-матушку. Предварительно начальник Особого отдела Департамента полиции Леонид Александрович Ратаев, непосредственно курирующий весь политический розыск в России, побеседовал с Засыпкиным и убедился в правильности выбора. К тому же и ОКЖ дал ротмистру лестные характеристики.

Это было время, когда политический террор захлестнул обе столицы, все губернские и уездные города, сельские поселения. Диапазон

жертв террора простирался от высших государственных сановников, включая министров внутренних дел и представителей Дома Романовых, до мелких чиновников, городских и простых обывателей. По некоторым данным в России от рук террористов в день погибало до 18 человек. И Засыпкина стали бросать в самое пекло, в самые взрывоопасные места: из Нижнего Новгорода 24 мая 1903 года его откомандировали в Тифлис, оттуда 1 марта 1905 года – в Харьков, а 24 июня того же года вернули в Тифлис, вновь прикомандировав к местному ГЖУ.

И в Нижнем Новгороде, и в Тифлисе, и в Харькове ротмистр Засыпкин возглавлял местные охранные отделения. В Нижнем – так вообще стоял у истоков и был первым начальником «охранки», как называли обыватели и революционеры охранные отделения в России, которые стали появляться в губернских городах в этот период словно грибы после дождя. Первые же охранные отделения были созданы гораздо раньше: Петербургское – в 1866-м, Московское – в 1880-м и Варшавское – в 1900-м годах. Но, если губернские жандармские управления производили дознания по политическим делам (процессуальная деятельность, то есть предусмотренная российским законодательством) и, отчасти, осуществляли агентурно-розыскную деятельность (не процессуальная, то есть не предусмотренная законодательством, но регламентированная во внутриведомственных инструкциях и положениях), то охранные отделения всецело занимались не процессуальной деятельностью: выявлением законспирированных подпольных организаций и проникновением в них (внутреннее агентурное наблюдение), а также установлением всех лиц, к ним причастных (наружное наблюдение). По сути, Федор Андреевич явил собой некий феномен: он не только профессионально разбирался в производстве дознаний, но и в полной мере

знал постановку розыска и агентурной работы. При этом он руководствовался широко известной сентенцией времен тайного приказа Петра Великого: «Сыск вести – не лапти плести!», поскольку сыскное ремесло требовало наличие острого ума и полной самоотдачи делу.

После окончательного возвращения в Тифлис он 6 декабря 1905 года был пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени, а 26 февраля 1906 года произведен в подполковники. По Высочайшему Его Императорского Величества приказу от 17 апреля 1906 года Засыпкин был назначен штаб-офицером для поручений при Заведующем полицией на Кавказе, а ровно через три месяца, день в день, произведен в полковники «за отличие по службе»!

В сентябре того же года Наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков, в соответствии с указом Правительствующего Сената, сделал структурные изменения в своем ведомстве: канцелярия Заведующего полицией на Кавказе была влита в канцелярию Наместника с новым названием – «Особый отдел по полицейской части», а полковник Засыпкин был переаттестован в штаб-офицера для поручений при помощнике по гражданской части Наместника (в чье ведение входил Особый отдел), а в январе 1907 года был зачислен по армейской пехоте (выйдя из прямого подчинения ОКЖ и сняв бирюзовый мундир), о чем Федор Андреевич втайне жалел, но вслух не выказывал своего разочарования.

Надо сказать, Первая русская революция, начавшаяся в начале 1905 года в Петербурге и сопровождавшаяся массовыми неповиновениями и вооруженным сопротивлением властям, стачками, забастовками, кровопролитием и жертвами с обеих сторон, докатилась и до юга России – Кубанской области и Черноморской губернии, ранее считавшимися относительно спокойными местностями на окраине Российской империи. А теперь грабежи, разбои, экс-

проприации (как их тогда называли – «экссы») и убийства происходили ежедневно. Гибли жандармы, чины полиции и тюремного ведомства, гражданские чиновники, купцы, предприниматели, обыватели. Террор коснулся всех слоев населения. Воспользовавшись ситуацией, из всех щелей на свет Божий повылезали уголовники и, прикрываясь революционными лозунгами, грабили, убивали, насиловали...

Внезапно возникший пожар необходимо было погасить, но местная администрация Кубани и Черноморья и ведомства политического розыска вкупе с полицией как-то растерялись, замешкались и оказались неготовыми к противостоянию. В первую очередь давало о себе знать катастрофическое отсутствие информации конфиденциального свойства. Секретная агентура работала из рук вон плохо – ее сведения были или запоздалыми, или вовсе высосанными из пальца, наспех придуманными, однако оплачивались из секретных фондов Департамента полиции, направляемых на места. К тому же подпольные организации зачастую выявляли в своей революционной среде «засланных казачков» и примерно-показательно лишали их жизни, публично оповещая горожан и станичников о свершившихся «казнях». Нужен был опытный брандмейстер, способный разобраться в ситуации и затушить пожар террора на Кубани и в Черноморье. Им и стал полковник Засыпкин.

Поскольку наиболее плачевная ситуация сложилась в Черноморской губернии, граф Воронцов-Дашков распорядился направить в Новороссийск Федора Андреевича. Выполняя приказ Его сиятельства, помощник Наместника по гражданской части тайный советник (то бишь генерал-лейтенант) Иустин Васильевич Мицкевич 23 сентября 1906 года откомандировал к Черному морю Засыпкина. Проблема крылась в том, что в Черноморской губернии не было не

только губернского жандармского управления (в Новороссийске дислоцировался только жандармский пункт с небольшим штатом в девять унтер-офицеров, во главе с помощником начальника Кубанского областного жандармского управления в Черноморской губернии подполковником Николаевым), но отсутствовало и охранное отделение в городе. Тогдашний Черноморский губернатор Алексей Александрович Березников в отчаянии писал начальнику КОЖУ полковнику Воронину:

«Имея в своем распоряжении лишь нижних чинов, нищенски оплачиваемых и к тому же известных всему городу, не имея ни филеров, ни средств на расплату за агентурные сведения, подполковник Николаев признается в полном своем бессилии в раскрытии и прекращении довольно беззастенчиво ведущейся преступной агитации. В таком же положении находится общая полиция, ничего не получающая на сыскную часть и по организации своей мало пригодная для специальной политической службы. Имею честь просить поставить жандармскую полицию в городе Новороссийске в такие условия, чтобы она могла отвечать своему назначению».

Но Модест Ильич сам сидел на пороховой бочке в Екатеринодаре и ежедневно ожидал покушения бомбистов на свою особу, а посему «умыл руки», ответив губернатору:

«Помощник мой, подполковник Николаев, мною не стеснен в средствах для борьбы с пропагандой и для него является полная возможность вести дела агентуры как следует».

И тогда Березников пожаловался Наместнику на Кавказе.

...Федор Иванович Засыпкин ехал из Тифлиса в Новороссийск для заведывания «розыскной частью», читай – агентурой, и даже не мог себе предположить, что первая встреча с Черноморским побережьем будет для него не последней и

через десять лет он там, правда, в другом городе и в другой должности, закончит свою служебную стезю...

В Новороссийске Засыпкин быстро наладил агентурную работу, внедрил секретных сотрудников в подпольные организации, активизировал нормальную деятельность жандармского пункта, но 30 ноября после двухмесячной командировки вернулся в Тифлис по указанию помощника Наместника по гражданской части Мицкевича.

Тем временем полковник Воронин докладывал в Тифлис:

«Революционное движение настолько охватило Кубанскую область, что является неотложной необходимостью учреждение если не охранного отделения, то хотя бы назначение специального офицера, который бы исключительно занимался агентурой. Помощник мой и я, имея массу дознаний, не имеем возможности отдаться делу розыска, как это надлежит в настоящее серьезное время. Черноморская губерния, в смысле постановки агентурного дела, находится в несколько лучших условиях».

14 января 1907 года по указанию Мицкевича полковник Засыпкин прибыл в Екатеринодар. Между ним и Ворониным как-то сразу отношения не заладились: начальник КОЖУ держался подчеркнуто надменно, виновником в развале агентурной работы считал кого угодно, но только не себя, секретную документацию вел небрежно, от случая к случаю. Когда Засыпкин попросил представить агентурные донесения и вызвать на конспиративную квартиру поочередно секретных сотрудников для беседы, Воронин вдруг полез на рожон: довольно театрально стал выражать свое негодование и пообещал тотчас доложить графу Воронцову-Дашкову! Видите ли, Засыпкин превышает свои полномочия, ибо секретная агентура на то и секретная, чтобы ее не показывать всем кому не попадя! На резон-

ный вопрос Федора Андреевича, не является ли он специально командированным чиновником Особого отдела по полицейской части с завизированным Наместником на Кавказе предписанием, Воронин хлопнул дверью и ушел домой. На следующий день он притворился больным, о чем объявил через адъютанта.

Пока Воронин несколько дней отсутствовал в Управлении, Засыпкин выяснил, что конспиративной квартиры уж полгода как нет: старая сгорела при невыясненных обстоятельствах, новая еще не заарендована. Из секретных сотрудников, состоящих на жалованье, налицо в Екатеринодаре оказалось только трое, да и те в революционных организациях занимали скромное место, далеко от жожаков, и значимой информацией не располагали. Сведения поставляли главным образом случайные «штучники»², но доверять их сообщениям, основанным на услышанных в винных лавках и на городских базарах пьяной болтовне – себя не уважать. Да и Департамент полиции в своих циркулярах и инструкциях категорически настаивал не привлекать случайных «штучников» к конфиденциальному сотрудничеству. Между тем из отчетов Воронина в Особый отдел по полицейской части следовало, что им заагентурено не менее двух десятков лиц, которые внедрены в различные «противугосударственные» организации и приближены к их руководителям. Федор Андреевич предполагал, что в своих донесениях в Тифлис Модест Ильич привирает и дело по части розыска в Екатеринодаре находится не на высоте, но чтоб такое...

Через три дня Воронин появился на службе. Засыпкин столкнулся с ним в канцелярии Управления и не удержался:

– Послушай! Ври, да знай же меру; есть от чего в отчаянье прийти, – продекламировал он. В старших классах кадетского корпуса Засыпкин с удовольствием участвовал в театральных постановках и даже был удостоен похвальной грамоты за подписью директора корпуса за роль Чацкого.

– Чего-о?! – прошипел Воронин и сорвался на крик. – Извольте объясниться!

– «Горе от ума», – улыбнулся Засыпкин и добавил, – Грибоедов. Александр Сергеевич. Действие четвертое, явление... Если мне память не изменяет, господин полковник, явление тоже четвертое!

И пока Воронин приходил в себя, Засыпкин щелкнул каблуками, развернулся по-строевому и промаршировал в отведенный ему на время командировки кабинет. Иногда он позволял себе подобные демонстрации, дабы привести в чувство оппонента.

После этого случая Воронин как-то притих, пообмяк, каждый день просиживал в Управлении допоздна, приводя в порядок служебную документацию, при встрече с Засыпкиным кивал головой и отводил глаза в сторону.

Федор Андреевич раскусил Воронина. Тот был относительно пригоден к работе исключительно в штиль, но когда на корабле случился аврал, он первым пытался покинуть судно. Воронин писал в Тифлис о необходимости учреждения в Екатеринодаре «охранки» или передаче агентурной работы специально назначенному офицеру, надеясь, что ему пойдут навстречу, войдут в его положение, и он сможет выйти сухим из воды, перекинув бремя руководства агентурной работой на других. Сам же, сидя в кабинете, будет пощелкивать дознания как оре-

²В иерархии секретной агентуры по классификации Департамента полиции «штучниками» назывались осведомители, разделяющиеся на «постоянных» (доставляющих сведения систематические) и «случайных» (доставляющие сведения случайные, маловажные, не имеющие связи); на жалованьи в охранных отделениях не состояли, а получали плату за каждую отдельно предоставленную информацию.

хи, и писать бравурные отчеты в Особый отдел. К примеру, вот в 1905 году КОЖУ возбудило 171 дознание и привлекло к ответственности 247 обвиняемых. Казалось бы, цифры впечатляющие, но на деле, если копнуть глубже, кто все эти люди? Так, мелкая сошка – разбрасывали в церквях прокламации, нелицеприятно высказывались о государе императоре, хранили запрещенную литературу... Истинные же акулы террора в сети не попадались. Да, собственно, их никто и не ловил, ибо можно было угодить под пулю или, не приведи Господь, оказаться разорванным бомбой. Поэтому начальник КОЖУ руководствовался принципом – береженого и Бог бережет, и от борьбы с террором дистанцировался. А если уклониться было невозможно, Модест Ильич пускался во все тяжкие. Засыпкин раскопал, какие грешки за ним водились. К примеру, вот летом 1906 года в Екатеринодаре в столярной мастерской Есипова, по агентурным сведениям состоящего членом боевой дружины одного из тайных обществ, в результате обыска жандармы обнаружили весьма искусно скрытые в столярном станке винтовку системы Бердана, а также ружейные и револьверные патроны. Но Воронин дознание не возбудил, а передал Есипова в распоряжение начальника Кубанской области, генерал-лейтенанта Михайлова, скрыв причастность «столяра» к боевой дружине. Ничего не подозревающий Михайлов, далекий вообще от всех нюансов политического сыска и мечтавший поскорее уйти в отставку и уехать с Кубани к себе на Урал, недолго думая, взял да и оштрафовал террориста в административном порядке аж на пять рублей за хранение оружия без надлежащего разрешения. Федор Андреевич недоумевал, что сподобило на такой поступок Воронина – трусость или алчность? И не находил ответа...

И тогда он стал самостоятельно выстраивать агентурную работу. Но не успел довести до конца начатое дело: 11 февраля по распоряжению

заведующего Особым отделом по полицейской части полковника Евгения Николаевича Ширинкина Федору Андреевичу пришлось вернуться в Тифлис. Там не унимались националисты из армянской партии «Дашнакцутюн». Под страхом смерти они вымогали деньги у зажиточных людей, закупали оружие и устраивали лаборатории по изготовлению бомб, путем насилия подчиняли себе отдельные местности Кавказа. Все это сопровождалось революционной риторикой, направленной на свержение самодержавия. Властям необходимо было покончить с дашнаками или хотя бы на время загнать их в подполье, чтобы там окончательно добить.

До осени Засыпкин был в самой гуще событий. А в начале октября он был вызван к помощнику Наместника по гражданской части на совещание. Кроме Мицкевича, присутствовал и заведующий Особым отделом Ширинкин. Федору Андреевичу пояснили, что граф Воронцов-Дашков принял решение учредить в Екатеринодаре Охранный пункт, в ведение которого входили бы Кубанская область и Черноморская губерния. Руководить пунктом предлагалось Засыпкину, как лицу, имевшему опыт постановки розыска в обеих местностях. Естественно, с его стороны возражений не последовало. Обсудив детали и все тонкости командировки, оба сановника выразили полную уверенность, что Федор Андреевич с делом справится, и предложили ему составить смету на расходы. При этом акцентировали внимание, что в средствах Особый отдел нынче ограничен ввиду крайне неспокойной обстановки на всем Кавказе, поэтому надеются получить от Засыпкина благоразумные предложения. Тот поблагодарил начальство за доверие и заверил в полном понимании «серьезности» порученного предприятия. С тем штаб-офицер по поручениям и откланялся.

8 октября 1907 года Федор Андреевич получил письменное распоряжение:

«Совершенно секретно.

Состоящему при мне для поручений полковнику Засыпкину.

Предлагая при сем 855 рублей, из коих 405 рублей на первоначальные расходы по организации Охранного пункта в Екатеринодаре, согласно составленной Вами сметы, и 450 рублей на издержки по его деятельности в первый месяц, предлагаю безотлагательно отправиться в Екатеринодар для устройства сего пункта и руководства таковым, впредь до особого распоряжения, и о последующем мне донести.

К сему присовокупляю, что при функционировании сего вновь организуемого розыскного учреждения, Вам надлежит сообразоваться с существующими для Охранных отделений Империи инструкциями Департамента полиции.

Сенатор, тайный советник Мицкевич.

Заведывающий Особым отделом полковник Ширинкин».

В тот же день в Екатеринодар из канцелярии помощника Наместника на Кавказе по гражданской части было отправлено распоряжение:

«Совершенно секретно.

Начальнику Кубанского областного жандармского управления.

Ввиду усилившегося в последнее время революционного движения в Кубанской области и Черноморской губернии и согласно ходатайства о том Временного генерал-губернатора Кубанской области³, Наместник Его Императорского Величества на Кавказе соизволил признать необходимым ныне же учредить в Екатеринодаре Охранный пункт для обслуживания Кубанской области и Черноморской губернии, поручив его организацию и первоначальное им руководство состоящему при мне для поручений полковнику Засыпкину.

Сообщая об этом для сведения, прошу, в случае надобности, оказывать полковнику Засыпкину полное содействие в порученном ему деле, передав ныне же в ведение сего штаб-офицера

подведомственную Вам секретную агентуру по Екатеринодару и сделать необходимые распоряжения о передаче таковой же по Новороссийску по первому же его требованию.

Сенатор, тайный советник Мицкевич.

Заведывающий Особым отделом полковник Ширинкин».

Когда через пять дней адъютант КОЖУ вручил полученное распоряжение из Тифлиса Модесту Ильичу Воронину, того едва не хватил апоплексический удар: «Опять Засыпкин, черт его подери?!»

А Засыпкин тем временем уже катился по железной дороге в Екатеринодар и по прибытии в областной центр Кубани отправил Мицкевичу телеграмму:

«Выехав из Тифлиса 10 сего октября, я 14 того же октября прибыл в Екатеринодар. Об изложенном доношу Вашему превосходительству. Полковник Засыпкин».

Обустроившись в номере гостиницы «Венеция» и немного передохнув, Федор Андреевич, уселся за стол и достал из саквояжа пухлую папку, которую перед отъездом в Екатеринодар ему вручил полковник Ширинкин. На обложке каллиграфическим почерком было написано: «Строго конфиденциально. Террористические акции в Кубанской области и Черноморской губернии за 1905 и 1906 годы и за 9 месяцев 1907 года». Вздохнув, Засыпкин развязал тесемки, вынул из папки стопку скрепленных по годам листов бумаги и принялся читать напечатанные на пишущей машине рапорты Воронина в Особый отдел по полицейской части.

«1905 год. 13 ноября в 10 часов вечера на углу Садовой и Кузнечной улиц в Екатеринодаре найден труп унтер-офицера вверенного мне Управления Михаила Кучерова, с четырьмя ранами на голове и двумя на щеке. О сем сего 14

ноября донес мне пристав 3-й полицейской части в Екатеринодаре».

– А где указания на постановку розыска убийц? Какие меры предприняты? – Федор Андреевич недовольно хмыкнул и взял следующий лист.

«28 декабря днем чины конно-полицейской стражи посада Сочи Черноморской губернии Антон Таутиев и Петр Друшляк обнаружили транспорт с оружием, двигавшийся по шоссе из Адлера в Сочи и вступили в перестрелку с сопровождавшим транспорт вооруженным конвоем. В результате оба стражника были смертельно ранены и скончались на месте происшествия».

– И здесь простая констатация факта, – Засыпкин отложил стопку документов. – Это по-
том.

Придвинул к себе сведения за 1907 год и вновь углубился в чтение:

«25 июня вечером совершено вооруженное нападение на бакалейную лавку купца Г.В. Дегаева в Екатеринодаре. Злоумышленники предъявили письмо от партии анархистов-коммунистов и потребовали 500 рублей на революционные цели».

Еще раз перечитал. Однако жертв нет. Вероятно, рапорт по ошибке приложен. Но будем иметь в виду.

«20 июля вечером на углу Красной и Дмитриевской улиц в Екатеринодаре застрелен помощник городского полицмейстера Григорий Спиридонович Журавель, неоднократно получавший письма с угрозами в течение года. Приняты энергичные меры к розыску злоумышленников».

Засыпкин едва не ахнул, вспомнив этого со-
рокалетнего румяного здоровяка, с которым несколько раз по делам розыска общался зимой

во время первой командировки в Екатеринодар. Однажды, когда Журавель получил по почте очередное письмо с угрозами, Федор Андреевич поинтересовался, не боится ли он за свою жизнь? Тот покрутил ус и задумчиво произнес: «На все воля Божия, господин полковник. Двух смертей не бывать, и мне следует исполнять свою службу, а не прятаться». По тому, как он сказал, Засыпкин понял, что это не поза. Очень жаль, двое малолетних детей остались сиротами...

К рапорту была подколота выписка из агентурного сообщения:

«Одной из главнейших задач боевой группы Екатеринодарской организации социал-демократов было изыскание средств для приобретения оружия и снабжения таковым рабочих. Для выполнения этой задачи боевая группа обязала екатеринодарского торговца обувью Иллариона Васильевича Котлярова внести несколько тысяч рублей к определенному сроку и что за получением денег придет человек. На означенную операцию пошли четверо товарищей, как обычно. И в тот момент, когда один из товарищей предложил Котлярову дать ответ на письмо группы, в магазин вошел Журавель, которому хозяин магазина, по-видимому, и указал на выходящего из магазина члена группы. Не успел товарищ отойти от магазина десяти шагов, как на него сзади набросился этот Журавель, повалил на тротуар, сел на него верхом и попытался свистком вызвать себе полицейскую помощь. Но не успел ни разу свистнуть, так как в это время подбежал один из товарищей группы, выстрелом в голову Журавля убил его, сбросил труп на тротуар и все четверо человек разошлись в разные стороны. Это произошло так неожиданно и молниеносно, что никто из проходящих мимо

³В связи с введением в Кубанской области с 3 января 1906 года военного положения начальнику Кубанской области вверялись все права и обязанности по охранению порядка и общественной безопасности как временному генерал-губернатору области. Военное положение сохранялось на территории Кубани до июля 1909 года.

даже не слышал выстрела и никто не видел, куда девался стрелявший. После уничтожения Журавля, на ноги была поднята вся жандармерия и полиция, по городу стали разъезжать днем и ночью казачьи конные патрули».

Бедный Журавель... Зная Модеста Ильича, не мудрено, что все «энергичные меры к розыску злоумышленников» этим и исчерпывались. Хотя упоминается боевая группа эсдеков. Тонкая ниточка, потянем за нее. Засыпкин красным карандашом пометил документ, стал читать следующий.

«В ночь на 7 августа, в то время как атаман Лабинского отдела Кубанской области полковник Никифор Иосифович Кравченко сидел и ужинал на веранде летнего сада Общественного собрания селения Армавир, злоумышленники в числе семи-восьми лиц подошли с той стороны веранды, которая была обвита вьющимся хмелем, и произвели в него три выстрела, из которых одной пулей пробито навывлет сердце, второй и третьей – произведено поранение ног. Смерть последовала моментально (в два часа ночи). Наряд полиции, находившийся у ворот, никого не видел. Преследуя в темноте террористов, они были обстреляны убегающими людьми, скрывшимися в темноте. Прибывшими на место преступления чинами судебного ведомства были найдены гильзы от патронов для „Маузера“. Убийцы не были разысканы».

К рапорту были прикреплено еще одно донесение Воронина:

«В последнее время членами преступного сообщества „Интернациональный союз анархистов-коммунистов“ в селении Армавир под угрозой смерти были получены значительные денежные суммы с помещиков: князя Капланова, Щербака и Емельяненко, комиссионера по закупке зерна Горюна, купца Мареева и многих других, причем отказавшие в уплате денег были убиты. Так, погибли от руки анархистов

армавирские купцы Меснянкин и Шахназаров, управляющий экономией барона Штенгеля – Гоген и другие. Деятельность членов сообщества не ограничилась одним Армавиром, а распространилась также на окрестные хутора и станицы, где жертвами произвола анархистов являлись крупные землевладельцы и торговцы».

Армавир... Сразу нахлынули воспоминания десятилетней давности, вдовствующая императрица, время проведенное возле нее. Но довольно, к делу. Итак, Воронин подводит к тому, что атамана Кравченко могли убить анархисты. Ну-ну, надобно снести с судебным следователем, выведать подробности расследования, есть ли заподозренные в террористической акции. И Федор Андреевич поставил на документе вопросительный знак.

«26 августа вечером возле трамвайного павильона в конце Ростовской улицы в Екатеринодаре выстрелом из револьвера был смертельно ранен помощник пристава 2-й части городской полиции Иван Григорьевич Боняк, выполнявший задание по поимке злоумышленников, вымогавших деньги у купца М.М. Орлова. Подозреваются максималисты».

На обороте листа рукой Воронина было написано: «Орлов сначала получил требование эсеров-максималистов на тысячу рублей, а немного спустя – от 9-й группы анархистов-коммунистов».

Почему-то вспомнился широко нашумевший «экс» на Эриванской площади в Тифлисе четыре месяца тому назад, когда на карету Тифлисского отделения Государственного Банка, сопровождаемую многочисленной охраной, было совершено дерзкое нападение. Бандиты забросали бомбами жандармов и полицейских, открыли стрельбу, а завладев мешками с огромными деньжищами, скрылись до прибытия подмоги. Полицейские власти заподозрили, было, эсеров и анархистов, но вскоре появ-

вилась агентурная информация, указывающая на причастность к экспроприации Тифлисской организации РСДРП. Правда, пока еще не подтвержденная фактическими данными. Может, и в деле Орлова замешаны эсдеки? Уж больно они активизировались в последние месяцы.

Засыпкин встал из-за стола, с хрустом потянулся, сделал несколько приседаний и вновь сел за бумаги.

«В ночь на 26 августа на Пластуновской улице в Екатеринодаре убит злоумышленниками младший городской Иван Гаврилович Ковалев, стоя на посту».

Федор Андреевич написал на рапорте: «Справиться у полицмейстера, кого охранял городской в ночное время», и перешел к следующему документу.

«15 сентября вечером на Посполитакинской улице в Екатеринодаре убит контролер ночных сторожей Елисей Федорович Захарченко при задержании анархистов, ограбивших кассира наследников купца Игнатова на 1600 рублей».

– Черт возьми! Опять анархисты! – Засыпкин вскочил из-за стола и стал нервно нарезать возле него круги. Сколько же их здесь развелось? С кого начинать? Ладно, без истерик. Налил из графина воды, выпил весь стакан. Несколько успокоившись, сел и продолжил чтение.

«21 сентября утром на углу Красной и Штабной улиц в Екатеринодаре выстрелами в упор был смертельно ранен правитель канцелярии начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска Семен Васильевич Руденко, когда проходил от квартиры на службу. Выстрелив сзади в затылок, террорист произвел еще два выстрела в живот и один – в ногу, после чего бросился бежать по Красной улице в направлении к Крепостной площади. Добежав до армянской церкви, злодей перескочил забор и направился через церковный двор на Графскую улицу. Церковный сторож, видя

бегущего человека без фуражки, которая осталась в церковном дворе, пытался задержать его, но убийца выстрелил и побежал дальше, беспрепятственно перелез через забор и скрылся. Руденко доставили в Войсковую больницу, где оказали возможную помощь, но в час дня он скончался».

Ниже рапорта следовала приписка Воронина:

«Как свидетельствует главный врач Екатеринодарской войсковой больницы доктор медицины Григорий Львович Антоконенко, до последней минуты жизни Семен Васильевич сохранял память, узнавал присутствовавших, вполне осмысленно отвечал на задаваемые вопросы и все время твердил: „Где портфель? В нем важные бумаги. Найдите портфель“. Несмотря на страшные раны, он сохранил редкое присутствие духа».

Некоторое время Засыпкин сидел, прикрыв глаза, воображая всю картину теракта и его последствий. Потом резко начертал на рапорте: «Сторож. Фуражка. Портфель. Документы», да так, что сломал грифель карандаша...

Уже за полночь Федор Андреевич вспомнил, что целый день не ел. Поужинав остатками снеди, прихваченной в Тифлисе в дорогу, он улегся спать. Долго ворочался, представляя завтрашний визит в Атаманский дворец и разговор с начальником Кубанской области, но вскоре сон поглотил его. ■

(Окончание следует)